

Секвойя Нагамацу

Читайте в серии:

Ян Вайлер

«Человек маркизы»

Утхит Хемамун

«Сказители»

Давид Гроссман

«С кем бы побегать»

Кортни Коллинз

«Птаха»

Секвойя Нагамацу

«Как высоко мы поднимаемся в темноте»

Секвойя Нагамацу

КАК
ВЫСОКО
МЫ ПОДНИМЕМСЯ
В ТЕМНОТЕ

АЗБУКА

Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

H16

Sequoia Nagamatsu

HOW HIGH WE GO IN THE DARK

Перевод с английского

Виктории Кульницкой

Дизайн обложки

Анастасии Ивановой

- H16 Нагамацу, Секвойя
Как высоко мы поднимемся в темноте : роман / Секвойя Нагамацу; [перевод с английского В. Кульницкой]. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 384 с. — (Имена. Зарубежная проза).

ISBN 978-5-389-26318-5

Недалекое будущее. Земля объята арктической чумой, вырвавшейся из заточения ледников. Разрушительной волной болезнь проносится по континентам, меняя жизнь, коллективное сознание и знакомую нам реальность. Центры по разработке вакцины, полеты к новым планетам, отели смерти и парки аттракционов, провожающие детей в последний путь, — каждому аспекту этого нового человечества посвящена отдельная новелла, тесно связанная с другими историями, из которых сплетена эта книга.

В центре этого романа мир, изменившийся как будто до неузнаваемости, но на самом деле — едва уловимо. Это многоголосая, по-настоящему философская проза, светлая и ясная. Грустная, но все равно жизнеутверждающая.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-26318-5

© 2022 by Sequoia Nagamatsu

© Кульницкая В., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025

АЗБУКА®

Памяти Крейга Нагамацу
(1958–2021)

Тридцать тысяч лет под надгробной речью

Подтаявший ледяной покров в Сибири на самом деле представлял собой готовую в любую секунду провалиться крышу, пропитанную талой водой и пронизанную доисторическими обломками. Чем выше поднималась температура, тем шире становился кратер Батагайка — словно сам Бог расстегивал на заснеженных болотах молнию, открывая глазу шерстистых носорогов и других вымерших животных. Максим, один из штатных биологов и пилот вертолета, указал на медную рану в земле, куда упала моя дочь вскоре после того, как обнаружила останки умершей тридцать тысяч лет назад девочки. Прежде чем приземлиться на поляне, мы облетели исследовательскую станцию — сеть выстроившихся на опушке леса красных геодезических куполов. Максим помог мне выбраться из вертолета, затем снял со спины сумки и мешок с почтой.

— Клару все любили, — сообщил он мне. — Но если люди не захотят о ней разговаривать, не удивляйтесь. Мы обычно такое держим в себе.

— Я приехал помочь, — ответил я.

— Да, конечно, — сказал Максим. — Разумеется, есть и другая причина...

Слушая его, я оглядывался по сторонам, вдыхал воздух, казалось, оставшийся здесь с доисторической эпохи, как и окаменелости у нас под ногами. Максим объяснил мне, что, пока мы сюда летели, объявили карантин. Никто не ожидал, что я захочу приехать и закончить Кларину работу, тем более так скоро.

Центральный купол станции изнутри смахивал на комнату в общежитии: телевизор с большим экраном, потертые кресла и груда упаковок из-под макарон с сыром. На стенах — топографические карты вперемешку с киноафишами от «Звездных войн» и «Красотки» до «Беги, Лола, беги!». В стороны расходились коридоры, и видно было, как народ выходит из лабораторий и своих капсул. Прибежала женщина в фиолетовой ветровке и спортивных леггинсах.

— Я Юлия. Добро пожаловать на край мира, — поздоровалась она и устремилась в один из восьми коридоров, где, похожие на соты в улье, размещались индивидуальные капсулы.

Со своих рабочих мест постепенно подтягивались члены команды, вскоре вокруг меня собралось около десятка ученых, от которых исходил несвежий душок.

— Познакомьтесь, это наш почетный гость — доктор Клифф Мияширо из Калифорнийского университета, специалист в области археологии и эволюционной генетики, — представил меня Максим. — Он будет помогать нам работать над

находкой Клары. Знаю, все мы тут лабораторные крысы и с тех пор, как нам запретили выходить, совсем одичали, но постарайтесь вести себя вежливо.

Максим заверил, что карантин — это просто перестраховка, так как команде удалось извлечь из вечной мерзлоты и возродить к жизни кое-какие вирусы и бактерии. Члены правительства фильмов насмотрелись, бросил он. Ничего особенного, стандартная процедура.

Затем мне в подробностях, знать которые я вообще не хотел, рассказали, как Клара тут жила: где она пила кофе и любовалась северным сиянием; по какому маршруту они вместе с Юлией, ботаником, бегали трусцой; как по утрам под плеск настольного фонтанчика для ароматерапии в форме лотоса занималась йогой вместе с эпидемиологом Дейвом; в какой подсобке хранила зимнее снаряжение, которое теперь должно было достаться мне, ведь размер у нас с ней был одинаковый; и даже что в день рождения она вместе с коллегами ездила в ближайший город Якутск петь в караоке, чтобы забыться ненадолго и перестать замечать, как постепенно тонут в первобытной грязи окружающие здания.

— Кто-нибудь может проводить меня к девочке? — спросил я.

Все надолго замолчали. Один из ученых убрал пластиковые стаканчики и бутылку виски, которую наверняка принес, чтобы отметить мой приезд. Похоже, облаченные во флис и фланель работники станции решили повторить состоявшуюся около месяца назад поминальную церемо-

нию по Кларе. В тот день в церкви собрались ее друзья и коллеги, с большей частью которых мы с женой не были знакомы. Я по очереди пожимал им руки, они же выражали мне и Мики, моей жене, свои соболезнования. Мужчина с торчащими дыбом синими волосами рассказал, что однажды сделал Кларе на спине татуировку под названием «Полный улет»; на ней была изображена звездная система — фиолетовая планета, вокруг которой кружили три красных карлика. Бывшие соседи вспоминали, как Клара нянчила их девочек-близняшек и натаскивала их по математике. Лысый джентльмен, куратор Кларинового проекта в Международном фонде выживания планеты, дал мне свою визитку и предложил продолжить дело моей дочери в Сибири. Когда все разошлись, мы с Мики уселись, обнявшись, стали пересматривать подготовленное мною слайд-шоу и остановились на фотографии, где трехлетняя Клара была снята со своей временной приемной семьей. В руке она сжимала тот самый кулон с фиолетовым кристаллом, который носила на шее, когда мы ее удочерили. Мы оба были готовы поклясться, что, когда она смотрела на него, в глазах у нее вспыхивали крошечные звезды.

На улице было жарко, но Юми играла перед похоронным бюро со своей кузиной. С востока, от горящего мыса Марин, тянуло дымом.

— Дочь никогда особенно в нас не нуждалась, — едва слышно прошептала Мики. — А Юми мы нужны.

Я сжал в кармане визитку.

Максим отвел меня в сторону от ученых, что собрались под куполом и неловко таращились на мумифицированные останки, найденные Кларой незадолго до гибели.

— Энни в чистой лаборатории.

— Энни? — удивился я.

— Юлия любит «Юритмикс», ее родители в восьмидесятых застряли. Вот и мертвую девочку она назвала в честь Энни Леннокс.

От костной лаборатории чистую отделял приклеенный изолентой занавес из плотного пластика от пола до потолка. Максим вручил мне маску с респиратором и коробку медицинских перчаток.

— Финансирования не хватает, однако мы помним, что можем вынести на себе патогены. Впрочем, в девяноста девяти случаях волноваться все равно не о чем, — добавил он.

— Верно, — отозвался я, немного озадаченный такой ковбойской бравадой.

— Примерно в тысяче километров к востоку находится Парк Плейстоцен, нашим тамошним коллегам удалось успешно восстановить местную флору и заселить землю бизонами. Чем больше зелени растет на земле, чем больше бродит по степям крупных животных, тем плотнее становится верхний слой почвы, таким образом лед не может подобраться к поверхности и прошлое остается в прошлом.

Я натянул перчатки, надел маску и через прореху в занавесе шагнул в чистую лабораторию.

Энни, свернувшись в позе эмбриона, лежала на металлическом столе.

ПРОТОКОЛ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ВНЕШНЕГО ОСМОТРА: *H.s. sapiens* предпубертального возраста, выступающие надбровные дуги могут свидетельствовать о предках-неандертальцах. Возраст — предположительно семь или восемь лет. Рост 121 см, вес 6 кг (при жизни, вероятно, около 22 кг). На висках виднеются остатки рыжевато-каштановых волос. На левом предплечье татуировка — три черные точки внутри круга, на окружности которого стоит еще одна точка. Одежда, вероятно, сшита из лоскутков шкур животных. Отделка из не характерных для этого региона морских раковин — необходимо дальнейшее исследование.

В уголках глаз девочки залегли тоненькие морщинки, будто она часто смотрела на солнце. Вокруг рта кожа начала обвисать, и создавалось впечатление, что он распахнут в болезненном крике. Мне невольно представилось, как Клара (или Юми, она как раз сейчас была в том же возрасте) выслеживает на бесплодной равнине крупную дичь, а за ней крадутся степные львы или волки. Я провел руками по стиснутым кулачкам девочки.

— Загадочная фигня, — сказал Максим, оставившись позади меня. — Большую часть исследований мы проводим совместно с Международным фондом выживания планеты. Изучаем почву, фрагменты ледяной коры, временами находим кости древних животных, но я бы солгал, если бы стал утверждать, что Энни и другие найденные в пещере тела не отвлекли нас от основной задачи. Не говоря уж о том неопознанном вирусе, который Дейв вроде как обнаружил в останках.

— А еще какие-то анализы вы проводили, образцы тестировали? Раковины, например...

— Это раковины маленьких морских улиток, обитавших на Средиземноморье. *Trivia monacha*. Что очень удивительно: известно, что около шестидесяти тысяч лет назад в районе Алтайских гор обитали неандертальцы и древние люди, но здесь, на самом севере, их следов до сих пор не находили. А как необычно ракушки вплетены в ткань! Эта древняя рукодельница мою бабушку могла бы заткнуть за пояс.

— А еще удивительно, что так одета одна только Энни. На остальных остались лишь обрывки обычных меховых плащей. В отчете, который вы, ребята, мне прислали, вопросов больше, чем ответов, — заметил я.

— Мы все ждали, когда появится человек, который захочет взять это дело на себя и раскопать историю Энни. Клара твердила, что приехала сюда заниматься животными. Хотела разгадать биом ледникового периода, чтобы после мы могли его воссоздать. Однако нам всегда казалось, что на самом деле она ищет что-то другое. Она ведь и на раскопках торчала больше всех. И слишком подолгу смотрела в небо для человека, чья работа — искать то, что спрятано под землей. Спорить готов, она бы взялась за Энни. Клара всегда говорила, что наше спасение лежит в неизвестном прошлом. Надо же, ученый, а выражалась, как поэт или философ.

— Это в мать, она художница, — сказал я.

В детстве Клара целыми днями просиживала в своем домике на дереве; учителя говорили, что

она гениальный ребенок, мы же по мере сил старались давать ей возможность развивать свои способности. Как-то раз она фломастерами написала работу о туманностях. Мы постоянно наткнулись на списки замеченных ею созвездий, о некоторых Клара даже придумывала собственные мифы, например о кузинах Плеяд и о Ковше — не большом, не маленьком, а в самый раз.

— Теперь я начинаю понимать, — отозвался Максим. — Обычно люди тут легко сходятся, но Клара всегда держалась особняком. Нам пришлось порыться в ее вещах, чтобы найти ваши контакты.

— Она полностью отдавалась работе, — заметил я.

Мы оба взглянули на Энни; в тихой лаборатории, казалось, звенел ее безмолвный крик.

Максим кивнул, я же сказал, что мне нужно отдохнуть с дороги. Еще он сообщил, что вещи Клары ждут меня в коробке в ее капсуле.

Когда я отправлялся в Сибирь, моя десятилетняя внучка Юми рыдала в аэропорту, хоть и пыталась заверять, что с ней все в порядке. Мики в который раз спросила, уверен ли я в своем решении. Может, хоть пару месяцев подождешь, убеждала она, не в самый мороз поедешь. Но я знал, что если не уеду сейчас, то отъезд отложится на неопределенный срок и призрак моей дочери перестанет витать в той далекой стране.

Я никогда не мог представить себе место, где пропадала Клара в последние несколько лет своей жизни. Когда Юми спрашивала нас с Мики,

где ее мать, мы показывали ей карту и найденные в Гугле фото кратера Батагайки и Северной Сибири. Жена вместе с Юми делала диорамы этого региона из папье-маше, вместе они населяли их игрушечными бизонами, динозаврами и сделанными на 3D-принтере фигурками членов нашей семьи в экспедиции, проходящей в некую неопределимую эпоху.

— Твоя мама любит тебя, — убеждал я Юми. — Просто у нее очень важная работа.

Отчасти я и сам в это верил, и все же, когда мы с Кларой в последний раз виделись, я в ультимативной форме заявил ей, что она должна вернуться домой, что несправедливо так поступать с Юми.

Мы к тому моменту не общались больше года, если не считать открыток и звонков по видеосвязи, на которые я отвечал вместе с Юми.

Тогда я не знал про созданную в рамках международного проекта исследовательскую станцию, представлял, что работает Клара в юрте и спит там, завернувшись в шкуры животных, убаюканная светом Млечного Пути. Теперь же я увидел, что ее спальная капсула представляла собой колон три на десять метров, размещенный в стене одного из куполов. Изнутри капсула была обита термофлисом, освещалась светодиодами, были здесь также книжные полки, складной рабочий стол и сетка для хранения. В ней я нашел Кларину сумку с личными вещами и стал их перебирать — одежда, туалетные принадлежности, журнал катастроф, личный дневник, старый айпод и несколько памятных сувениров из путешествий.

Но ожерелья с кристаллом, которое больше всего желал найти, не было. Я залез на Кларину койку, снял походные ботинки, заглянул под матрас и в вентиляционную решетку, сообразив, что дочь могла спрятать кулон там. Путешествие вышло долгим, ноги мои просто изжарились, и исходивший от них сырный душок смешался с запахами дыма и пота, которыми, казалось, была пропитана вся станция. Впервые после отъезда из Америки я улегся, стал листать Кларин айпод и остановился на сюите «Планеты» Густава Холста. Триумфальные фанфары «Юпитера» перенесли меня в те счастливые времена, когда любознательность Клары распространялась еще только на звезды, в те годы, когда третьеклассница Клара ругалась с учителем из-за несправедливой оценки по проекту Солнечной системы и попала в неприятности в научном лагере, сочинив историю о звезде — потерянной сестричке Плеяд, которую в древности можно было заметить в небе над Африкой. О чем думала Клара здесь, глядя, как танцует космос над серой тундрой? Ужасно хотелось снова услышать ее голос, и я стал листать Кларин дневник.

День третий. Удивительно, но внутри кратера уже появились пятна зелени. Из земли торчат бивни мамонта, а рядом пускают корни новые растения. Из-за частых оползней и ручьев, временами образующихся из талой воды, вся здешняя местность превратилась в гигантскую стиральную машину, где смешивается новое и древнее. Все здесь понимают, что поставлено на карту. Трудно не обращать

внимания на то, как, пока ты спишь, Земля изменяется, открывая тайны, которые ты никогда даже не пытался узнать. В первую ночь здесь я вышла на улицу и прислушалась. Возможно, мне почудилось, но я готова поклясться, что слышала, как взбивалась почва, как танцевали в ней миллионы мертвых насекомых, древних людей и волков.

День двадцать седьмой. В дикой природе большинство родителей будут насмерть сражаться, чтобы защитить детенышей. Знаю, мои родители тоже отчасти такие. Я не отвечаю на их сообщения, потому что мне уже просто больше нечего сказать. Я верю, что Юми во сне слышит песнь Земли. Верю, что она понимает, почему я не могу быть с ней рядом, когда она играет, носится по футбольному полю и занимается всеми остальными детскими делами. С ней все будет в порядке. У моих здешних коллег тоже есть дети. Они говорят, те не понимают, говорят, они не настолько близки, как хотелось бы. Но мы здесь для того, чтобы наши дети, а за ними их дети и внуки могли дышать и мечтать — чтобы им не приходилось произносить надгробные речи по стольким природным видам. С днем рождения, Юми! Если когда-нибудь прочтешь это, знай: я никогда не переставала о тебе думать.

Я отложил ноутбук, убрал айпод в сумку и вдруг заметил в углу еще кое-что — старую фотографию и резную статуэтку, завернутые в пару флисовых носков. Снимок был сделан три года назад, когда мы встретились с Кларой на юге Аляски. Юми тогда только исполнилось семь,

а я откапывал древнее поселение юпиков, которое постепенно смывало в море.

Я узнал приземистый коричневый трейлер с раскопок на заднем плане снимка. По утрам я любил сидеть там, пить кофе, разбираться с бумажками и посматривать, чем занимаются мои аспиранты. В день, когда была сделана эта фотография, мы с Мики наблюдали, как Клара пытается натянуть на Юми слишком большие для нее походные сапоги. Юми встречалась с матерью раз в три-четыре месяца не дольше чем на пару недель, и в такие моменты ругать Клару запрещалось.

— У нас всего неделя, — сказала мне утром Мики, догадавшись, что я собираюсь отчитать дочь. — Не надо ее портить.

Я вышел из конторы раскопок, добрался до места, которое мои коллеги называли мусорной ямой; дочь и внучка, сидя на берегу, просеивали ил. Попутно Клара рассказывала Юми об охоте на тюленей.

— Хочу нарисовать Клару и Юми вот так, вместе, по колено в грязи, — сказала, остановившись у меня за спиной, жена. — Для следующей выставки. Может, это напомнит Кларе, что они нужны друг другу.

— Просто идеально, даже слишком, — ответил я.

— Дедушка, смотри, я огромная какашка! — закричала Юми.

После Мики забрала Юми в мотель мыться, а я попросил Клару задержаться и поговорить со мной.

— Мать сказала, когда мы тут закончим, ты ненадолго приедешь домой.

— Максимум на неделю. Я же рассказывала тебе, что в Сибири кое-что намечается.

— Ты же видишь, как Юми по тебе скучает.

Клара стояла возле одного из складных столов, выстроившихся по краю мусорной ямы. На них лежали найденные артефакты. Она, не отрываясь, смотрела на деревянную куклу размером не больше банки газировки.

— Я делаю это для нее, — сказала она.

— Конечно, я понимаю, — ответил я.

Я всегда гордился тем, что мою дочь волновали судьбы мира. После уроков она всегда смотрела новости, искала в Интернете информацию о катастрофах, войнах, ненависти и несправедливости и все записывала в разноцветные тетрадки. Однажды я спросил, зачем она это делает, она же ответила, что хочет все задокументировать, ведь этим никто не занимается, и мы совершаем одни и те же ошибки по кругу: ненависть к соседям и жажда творить несправедливость струятся по нашим венам, пока не рухнет очередной шельфовый ледник или не вымрет еще одно животное. «Все связано», — сказала она. А я ответил: «Но ты одна, и жизнь у тебя тоже одна».

— Ты бы очень хотел, чтобы я вернулась домой, верно? Преподавала на твоём факультете? Каждый день забирала Юми из школы и притворялась, будто все будет хорошо? — она помахала в воздухе деревянной куклой, не отводя глаз от ее грубо вырезанной улыбки. — Знаешь, жизнь

у ребенка, который с ней играл, была нелегкая. И скорее всего, очень короткая.

— Я просто хочу, чтобы Юми провела детство рядом с матерью, — сказал я.

— Не вам с мамой меня учить, как заботиться о ребенке.

— Это несправедливо.

Каждый раз, когда Клара принималась вот так меня обвинять, мне хотелось свернуться в шарик, как жук-таблетка. Как только у нее появились собственные деньги, она стала удирать в самые отдаленные уголки планеты, и мы только по открыткам и фотографиям узнавали, что она до сих пор жива. Клара развернулась, взяла сумку и, все еще сжимая в руке куклу, направилась к океану. Когда я догнал ее, она уже вытащила один из журналов катастроф.

— Ты видел новые прогнозы по повышению уровня моря? — спросила она, просматривая списки городов, которые могло затопить уже при жизни Юми: бóльшую часть южной Флориды, почти все крупнейшие города Японии и Нью-Йорк, которому, вероятно, предстояло превратиться в Венецию. — Видел в новостях пожары в Аппалачах? А сюжет о популяции поедающих мозг амёб, которые активно плодятся в озерах летних лагерей?

— Каждому поколению несладко приходится, — я заглянул в ее журнал, на каждой странице которого красовалось описание какой-нибудь катастрофы. — И все же нужно жить свою жизнь.

— Если бы не изменение климата, ты бы тут исследование не проводил, — возразила она.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Секвойя Нагамацу

КАК ВЫСОКО МЫ ПОДНИМЕМСЯ В ТЕМНОТЕ

Ответственный редактор *Д. Захарченко*
Художественный редактор *А. Иванова*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *Л. Асанова, О. Ануфриева*
Компьютерная верстка *Е. Днепров*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 07.02.2025.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 4000 экз. Т-ИЗР-35301-01-Р. Заказ №

Иготовитель:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші:
«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, к. іш. аум. Даниловский
муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы
«Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55

Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

